
...all these moments will be lost in time...

«*Blade Runner*» by Ridley Scott

Вечером Триша выходит на заднее крыльцо «Кофейной гущи», чтобы проверить, как дела у маленьких упрямых растений с прозрачными листьями, вдруг пробившихся сквозь трещины в ступенях и недавно начавших цвести. Из глубины сада, скорее всего от качелей, доносятся знакомые голоса.

— И чем ты намерен заняться потом?

— Никакого «потом» не бывает, ты же знаешь. Одно бесконечное «сейчас», настоящее время. Самое настоящее. Подлинное. Я проверял. На зуб.

— Могу вообразить, как оно при этом хрустело, — смеется Шуфр Лонли-Локли.

А ведь каким серьезным казался поначалу. Всех провел.

Проходит ночь, а за ней — почти целый день, и Макс стоит на пороге «Кофейной гущи», нетерпеливо притоптывая ногой, как неровистый конь, которого раззадорили приготовлениями к прогулке, но так и не вывели из конюшни. Вокруг его головы сияет ореол предвечернего солнца, которое он так удачно заслонил.

— Не в моих правилах спрашивать, куда ты собрался, — говорит Франк. — Но всего за десять минут

до обеда, когда мой огненный суп уже булькает на плите и пахнет на весь квартал?! Это на тебя совсем не похоже.

Триша ничего не говорит. Она мешает заправку для супа, томящуюся на медленном огне. Деревянная ложка должна совершить ровно семьдесят два оборота по часовой стрелке; сбиться со счета никак нельзя, тогда заправка будет испорчена, а запоздавший сегодня обед, соответственно, отложен еще на четверть часа. Поэтому Трише не до разговоров. Сейчас она может только слушать, да и то вполуха.

Слушает, конечно.

— Мое дело как раз на десять минут, не больше. У Старого Сайфуса погас фонарь над входом, — скороговоркой объясняет Макс. — Как ответственный демиург, я сгораю от стыда, скорблю о несовершенстве миропорядка и считаю своим долгом лично исправить технический недочет. А как добрый сосед и здравомыслящий человек, думаю, что старфику не следует самому лезть на стремянку. У этой его лестницы такой злокозненный вид, что я готов спорить, она попытается уронить всякого, кто на нее заберется.

— И ты решил упасть со стремянки вместо Сайфуса?

— Не стоит преувеличивать мою жертвенность. Штука в том, что я могу заменить лампочку вообще без стремянки. Я довольно длинный.

— Ладно. Тогда у тебя есть шанс успеть к обеду. Если, конечно, не полезешь чинить крышу тетушке Уши Ёши и красить забор вокруг огорода Мирки — как ответственный демиург.

— Я все же не настолько ответственный, — смеется Макс. — Думаю, лампочка станет моим первым и последним рукотворным вкладом в здешнее мироустройство.

Все-таки видеть сны, а потом по рассеянности путать их с явью у меня получается куда лучше, чем хозяйничать.

И он пулей вылетает на улицу.

— А кто такой этот Старый Сайрус? — спрашивает Триша, завершив последний, самый медленный оборот деревянной ложки и убрав огонь. — Что-то не припомню такого.

— Я тоже, — кивает Франк. — Хотя вроде знаком со всеми соседями. Подозреваю, старик специально возник из небытия только потому, что Максу приспичило немедленно вкрутить лампочку, а подходящих жертв поблизости не оказалось. Ничего, скоро угомонится.

— В каком смысле — угомонится?

Так испугалась почему-то, что даже ложку на пол уронила.

— В самом что ни на есть раскрепасном, — улыбается Франк. — Просто поймет наконец, что его дело сделано, и займется чем-нибудь другим.

«Это как? Какое дело? В каком смысле сделано? И что теперь будет?» — хочет спросить Триша. Но вместо этого она просто поднимает ложку и идет ее мыть.

Триша вовсе не уверена, что ей действительно хочется услышать ответ.

Не сегодня.

Поэтому Триша ни о чем не спрашивает. Триша только слушает.

В сумерках, когда огненный суп благополучно съеден, послеобеденный кофе выпит, вечерние пироги отправлены в печь, Макс снова куда-то убежал, а Франк удобно устроился за стойкой в ожидании первых желающих

поужинать, можно выйти в сад, покачаться на качелях, которые в кои-то веки не заняты очередным любителем поболтаться между небом и землей.

Триша до сих пор не может решить, нравятся ли ей качели. С одной стороны, кататься на них приятно, а с другой — слишком ненадежная конструкция. Теоретически сколочены они на совесть и привязаны крепко, и дерево — толще не бывает, но знание этих обстоятельств мало помогает, когда ноги отрываются от земли и весь мир начинает качаться — сперва чуть-чуть, почти неощутимо, но постепенно набирает скорость, и в какой-то момент кажется, что он не остановится никогда. Хотя практика показывает, что рано или поздно все снова приходит в порядок. То есть до сих пор всегда так было, а как будет в следующий раз, неизвестно.

Самое важное, что следует знать о качелях: остановить их сразу невозможно, как ни старайся. Любые усилия дадут обратный результат, даже незаметное глазу напряжение заставит реальность кружиться еще быстрее; чтобы прекратить это немедленно, можно только прыгнуть — с риском расквасить коленки, локти и хорошо если не нос. Даже при Тришиной ловкости шансов уцелеть немного. Но если расслабиться, замедлится, сказать качелям: «Черт с вами, делайте что хотите», движение понемногу замедлится, небо перестанет кружиться, а земля вернется под ноги, как будто и не было лихой пляски, от которой сладкая тьма в голове и искры из глаз.

Вот ради этого блаженного мгновения Триша садится на качели при всяком удобном случае, снова и снова, как будто не она вчера ругала себя распоследними словами: «И зачем тебя сюда понесло?»

Ясно же зачем.

За полным покоем, который непременно наступает в финале.

Но на этот раз Триша даже оттолкнуться от земли не успела. Услышала поблизости голоса, обернулась и замерла — не то от удивления, не то от красоты открывшегося ей зрелища: Макс стоит на садовой лужайке, по колена в густой траве, целиком окутанный прозрачным, синим как сумерки облаком, которое не просто дрожит на ветру и переливается в лунном свете, как положено облакам, но и смеется, торжествующе и неудержимо, словно только что победило в дурацком споре и одновременно умирает от щекотки.

— Всю жизнь подозревал, что я очень смешной, — говорит Макс. — Но неужели настолько?

— Насолько, насколько, можешь мне поверить, — сквозь смех говорит облако.

Голос у него низкий, но скорее женский, с такой теплой бархатной хрипотцой, что у Триши замирает сердце. «Какое это, наверно, счастье — дружить с говорящими облаками, которые иногда приходят к тебе поболтать», — думает она.

Облако больше не смеется, теперь оно просто говорит — спокойно, рассудительно. И Триша слушает, застав дыхание. Даже не потому, что интересней чужих секретов могут быть только чужие тайны. А просто ради этого голоса.

— Всегда знала, что ты — наваждение, такое же, как я, — говорит облако. — Ну, то есть понятно, не в точности такое же. Но — тоже наваждение. Так забавно было

наблюдать, как ты стараешься казаться обыкновенным человеком. Самым обыкновенным из ряда вон выходящим гениальным, великим, прекрасным, убийственно обаятельным человеком — примерно такова была твоя роль. И ведь не только самого себя, а еще кучу народа провел. Молодец, что тут скажешь. А я порой по дюжине раз на дню прикусывала язык, чтобы не проговориться. Теперь можешь оценить мое чувство такта.

— Могла бы и проговориться, — вздыхает Макс. — Некоторые вещи о себе лучше узнавать загодя.

— В ту пору ты сказал бы: «Некоторые вещи о себе лучше не знать вовсе». И был бы по-своему прав. Всему свое время. Это сейчас ты понемногу начинаешь догадываться, как весело и азартно можно продолжать играть в человека, зная всю правду о себе. Но сколько небосводов обрушилось на твою макушку и сколько земель ушло из-под ног прежде, чем ты это понял?

— Семнадцать миллионов двести тридцать восемь тысяч семьсот пятьдесят четыре, — докладывает Макс. И серьезно добавляет: — Я их считал, как некоторые считают овец, чтобы избавиться от бессонницы.

— Старый добрый сэр Макс, — смеется облако.

— Говорят, меня легче убить, чем переделать. Притом что убить, как постепенно выясняется, практически невозможно. Вот и прикинь... Но слушай, как же все-таки хорошо, что ты пришла! А почему только сейчас? Я тебя тут искал. С первого дня.

— Прости. Просто ты обрушился на Город совершенно внезапно, как штормовой юго-западный ветер со стороны Лейна, а я не сижу тут безвылазно, — объясняет облако. — Это я только в человеческой шкуре была домохозяйкой. А теперь, по твоей милости, хоть вовсе сбегай!

Что ты натворил, сэр Макс? Как тебе не стыдно? Все уже такое почти настоящее, что еще немного, и местное население начнет шафаться от меня, как положено нормальным живым людям.

— Ну уж нет. Местное население было, есть и останется самым бесстрашным и призраколюбивым во Вселенной. Это я твердо обещаю. Иначе какой в нем вообще смысл?.. А тебе правда не нравится, что Город оживает? Или ты надо мной смеешься?

— Конечно, смеюсь. Я столько времени была лишена этого удовольствия, что нынче готова ухватиться за любой предлог, лишь бы наверстать упущенное. На самом деле мне нравится все, что тут происходит. Да настолько, что я сочинила Городу имя. От тебя-то не дождешься. Будь твоя воля, все на свете остались бы безымянными навек, лишь бы тебе не пришлось зубрить, кто как называется.

— Прекращай меня оклеветы... оклеветывать... нет — оклеветовывать! А что за имя? Мне-то скажешь?

— Обойдешься. Я Городу шепнула, и достаточно. Пусть сам решает, говорить ли тебе и всем остальным. И если да, то когда именно. И в какой форме. Он честно заслужил такой подарок. Если бы я была твоим сном, мне бы ужасно хотелось иметь от тебя секреты. Ну хоть один, если больше нельзя. Но тогда уж важный. Чтобы ты ночей не спал, мучаясь желанием его разгадать. И не потому что я такая вредная, а потому что ты сам любишь секреты больше всего на свете. А их в последнее время все меньше и меньше, бедный сэр Макс!

— Ничего, на мой век небось хватит.

— Только если об этом позаботятся добрые друзья вроде меня. Мы — твой единственный шанс хотя бы

иногда ничего не понимать, попадать впросак и проявлять слабость.

— Ну, с этим у меня до сих пор все в порядке. Я великий мастер проявления слабости, метко попадающий впросак с первой попытки, из любого положения, даже с завязанными глазами и в полной темноте.

— Именно потому что мир не без добрых... ну, скажем так, людей.

— Да не то слово! — смеется Макс.

— Однако нынче я намерена стать исключением из этого золотого правила. Один раз можно. Даже нужно. Я разыскала тебя не только ради удовольствия обнять и посмеяться, а специально для того, чтобы прояснить некоторые важные вопросы. Кроме меня это, пожалуй, никто не сделает — просто потому что люди понятия не имеют, какие вещи следует знать о себе существам вроде нас с тобой. Разве что теоретически. Но это совсем не то. А прочие наваждения не испытывают к тебе чувств достаточно нежных, чтобы переисилить отвращение к чисто человеческой привычке говорить слова вместо того, чтобы целиком окунуться в знание. Да и чего от них требовать, когда даже ты сам до сих пор не потрудился дать соответствующие объяснения собственному уму? Так и живешь — наполовину мудрец, наполовину невежественный балбес, причем эти двое наловчились игнорировать друг друга, как старые придворные, рассорившиеся еще при покойном короле.

— Вот этого я, наверное, не пойму никогда, — вздыхает Макс. — Каким образом я умудряюсь не знать то, что на самом деле знаю? Как это технически возможно, я имею в виду?

— Да проще простого. Забываешь же ты некоторые свои сны.

— В последнее время вроде нет. Хотя, конечно, пока не вспомнишь внезапно что-нибудь новенькое, не узнаешь, что оно было забыто.

— То-то и оно. Просто вообрази, что мудрец и балбес сидят на разных этажах большого дома. И не имеют пока приятной и полезной привычки вместе пить камфу в гостиной.

— Это они зря.

— С другой стороны, их можно понять. В этом многоэтажном доме пока нет ни одной лестницы, а дикие прыжки в пропасть хороши только в самом крайнем случае. Это удовольствие не для повседневных нужд. Следовательно, надо строить лестницы, удобные переходы с этажа на этаж, мосты — называй как хочешь. Лишь бы самому было понятно. И запомни, этим строительством должны заниматься оба — и мудрец, и балбес. Иначе что толку было прикидываться человеком?

— А почему ты так ставишь вопрос?

— Да потому что подобная раздвоенность сознания — проклятие рода человеческого. И одновременно его величайшее достояние. Все зависит от того, как этим воспользоваться. Лично у меня — в ту пору, когда я сама прикидывалась человеком, — выходило, прямо скажем, не блестяще. Но я-то, в отличие от тебя, никогда не любила эту игру. И ужасно злилась на Лойсо за то, что он меня в нее втянул.

Макс снова смеется.

— Прости, — говорит он. — Просто звучит совершенно потрясающе: «Злилась за то, что втянул меня в игру», когда речь идет об отце.